

ИРИНА ВИКТОРОВНА РОМАНОВА

Профессор,  
доктор филологических наук**В. Е. ЗАХАРОВ –  
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЖИЗНИ  
И. Я. КОРЕЙШИ**

В 2017-2019 годах мы с коллегами по кафедре литературы и журналистики Смоленского государственного университета при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Администрации Смоленской области работали над проектом «Смоленская земля в литературных персоналиях: открытая справочно-библиографическая база (по материалам архива В. Е. Захарова)». Главным результатом работы является создание сайта «Смоленская земля в памятниках литературы» и размещение его в сети Интернет по адресу: <https://book-sm.pow.sh/> Сайт представляет собой открытый, пополняемый информационный ресурс, на котором представлены художественные, исторические, научные историко-литературные тексты, созданные в разное время на Смоленской земле. Основу контента составляют материалы архива филолога, краеведа В. Е. Захарова: его опубликованные в малотиражных и труднодоступных изданиях работы; завершённые, но не опубликованные при жизни ученого труды; собранные ученым и представленные в рукописном и отсканированном виде многочисленные справочные материалы исторического, биографического, библиографического характера, посвященные смоленским топосам и локусам, родословию смоленских семей, смоленским персоналиям разного масштаба.

Владимир Ефимович Захаров для Смоленского государственного университета личность легендарная. Кандидат филологических наук, доцент, преподаватель с пятидесятилетним стажем, дважды декан (1976–1980; 1991–1995), специалист по зарубежной литературе, известный краевед. Главное же – один из самых любимых преподавателей филологического факультета. Как администратор он был неподкупен и объективен. Как педагог и ученый – самобытен, независим, проникновенен. Слава о лекциях В. Е. Захарова передавалась из уст в уста, от одного поколения студентов к другому. Лекции и научные труды В. Е. Захарова несли отчетливую печать его собственной индивидуальности. Они были узнаваемы по яркому, афористичному стилю, по заострению внимания на научных, эстетических, нравственных и социально-политических вопросах, остро волновавших самого автора, по постановке животрепещущих проблем, обращенных к молодым читателям и исследователям.

История зарубежной литературы была основной специальностью В. Е. Захарова. Его кандидатская диссертация, успешно защищенная в МГПИ имени В. И. Ленина в 1973 году, была посвящена Гейне и Герцену, вопросам типологической общности и национального своеобразия писателей. Однако область его научных интересов выходила далеко за пределы зарубежной литературы и компаративистики, прежде всего в область краеведения.

---

Основное свое свободное время В. Е. Захаров проводил в библиотеках, архивах и спецхранах Смоленска и Москвы. Краеведческий архив занимает отдельный шкаф в личном домашнем архиве ученого. Это около сотни единиц хранения, от двух до нескольких десятков листов каждая.

Преимущество его краеведческих трудов, исследований и лекций перед другими исследователями заключается в широте охвата материала (без хронологических и тематических ограничений), а также в четкой систематизации собранного им архива. В целом В. Е. Захаровым были собраны богатейшие материалы библиографического, биографического свойства в архивах Смоленской области, в старых и редких изданиях XIX и XX веков, в которых есть какие-либо упоминания Смоленска, его истории и культуры, событий, знаковых личностей. Ученый стремился проследить нити, связывающие историю и культуру Смоленского края с общероссийской и мировой культурой и историей.

В области краеведения В. Е. Захарова больше привлекал XIX век. В его разысканиях сложно разделить литературоведение и историю. Его типичные и любимые герои – наши безвестные земляки разного рода и звания – помещики, учителя, издатели, актеры, городские бунтари, тайные осведомители... Впрочем, в каждом из них В. Е. Захаров находил неповторимое обаяние. Из их судеб постепенно складывалась некая альтернативная общепринятой, парадной, со всем известными героями, история России, различимая только под пристальным взглядом неравнодушного исследователя и подлинного патриота.

В 2004 году в смоленском издательстве «Маджента» небольшим тиражом совместно с коллегой по кафедре профессором Г. Н. Ермоленко В. Е. Захаров выпустил книгу «Тени минувших столетий: очерки истории и культуры Смоленского края конца XVIII – первой половины XIX вв.». В раздел «Из Смоленских легенд и преданий» в нее вошел очерк «Иван Яковлевич Корейша – пророк из Смоленска».

Захаров сразу ссылается на весьма частое упоминание имени блаженного Ивана Яковлевича Корейши в литературе и публицистике 1850–1960-х годов, в том числе в произведениях Достоевского и Толстого, однако сам эти упоминания не комментирует и не анализирует. Для него гораздо важнее, что устные рассказы о Корейше когда-то имели широкое хождение на Смоленщине, а в купеческих и мещанских домах держали, бывало, его портреты.

Одна из историй, на которой подробно останавливается Захаров, связана со смоленским губернатором Николаем Ивановичем Хмельницким (1789 (1891?)–1845). В его послужном списке было и министерство юстиции, и министерство внутренних дел, а кроме того, он был довольно известным драматургом, писавшим водевили в соавторстве с Шаховским и Грибоедовым. О Хмельницком отзывались как о человеке веселого и добродушного нрава, однако его терпение лопнуло, когда какой-то, как казалось, поврежденный в уме бродяга на всех углах и папертях стал полоскать его имя, обличать губернатора в «плотоугодии и женолюбии», колебля установленное чинопочитание и смущая обывательские умы. Хмельницкий приказал заключить дурака в острог.

Вскоре губернатор забыл об этом своем распоряжении. Несколько дней спустя, он проводил ревизию тюрьмы и неожиданно лично столкнулся со своим обличителем.

– А за что, поведай мне, сын человеческий, посадил ты в острог раба божия Ивана? – строго спросил тот Хмельницкого.

– Не безобразничай впредь, – ответил губернатор.

– Так-так... – продолжал обижаться заключенный. – А известно ли тебе, сын человеческий, что в писании сказано: мне отмщение и аз воздам? Погоди ж, придет и тебе черед посидеть на моем месте, узнаешь тогда, сладко ли это мне...

Посмеялся губернатор его словам и пошел дальше.

А в начале 1938 года Хмельницкого вызвал в Санкт-Петербург император Николай Павлович и прямой дорогой отправил в Петропавловскую крепость на пять лет.

Степень виновности Хмельницкого остается невыясненной; по-видимому, он стал жертвой интриги и ложного обвинения. По свидетельству современников, Хмельницкий в течение восьми с половиной лет своего губернаторства сделал для города и губернии немало: в 1829 году исходатайствовал у государя ссуду в миллион рублей на нужды города, еще носившего на себе следы Наполеоновского нашествия, в 1831 году учредил в Смоленске публичную библиотеку с кабинетом для чтения, устроил первую в России губернскую выставку ремесленных и мануфактурных изделий с целью поощрить местное производство, составил статистическое описание 12 городов и нескольких уездов Смоленской губернии, описание земледельческой, ремесленной и торговой ее промышленности, агрономическую карту губернии. Его заботам город обязан устройством сада Блонье, срезкой соборной горы, препятствовавшей сообщению нагорной части Смоленска с заднепровьем, и многими другими улучшениями благоустройства города. В деле внутренней жизни губернии Хмельницкому пришлось столкнуться с двумя очень щекотливыми по тому времени вопросами: о злоупотреблении помещичьей властью и о положении раскольников. Что касается вопроса злоупотребления властью или нарушения закона помещиками, Хмельницкий всегда занимал твердую противоборствующую позицию и вставал на сторону пострадавшего. На подобные случаи ему приходилось иногда наталкиваться совершенно случайно, во время поездок на ревизии, когда он запросто, в сопровождении одного кучера, объезжал губернию и забирался в самые глухие ее уголки. Что касается вопроса о расколе, то Хмельницкий занял весьма лояльную позицию. Он считал, что здесь нельзя ничего достигнуть мерами строгости и насилия, а потому сдерживал пыл ревностной полиции. Такой небывалый доселе образ действий губернатора возбудил против него общее негодование местного духовенства, и оно обратилось к своему архиерею с просьбой принять меры. Но губернатор, несмотря на письмо к нему преосвященного, не изменил своей политики по отношению к раскольникам, число которых увеличилось за время его правления. Создав себе таким образом многочисленных врагов, Хмельницкий подготовил и свое падение. На него со всех сторон посылались в Петербург доносы, в которых, выставлялось на вид то, что все произведенные при Хмельницком казенные постройки в губернии обошлись неимоверно дорого; не забыли указать на слабость холостяка Хмельницкого к женскому полу. Созданная следственная комиссия обнаружила большие хищения казенных денег со стороны строителей Смоленско-Московского шоссе. Губернатор в хищении уличен не был, его

---

обвинили в нерадении к служебным обязанностям. До окончательного расследования Хмельницкий был заключен в Петропавловскую крепость, где просидел шесть месяцев. Наконец император, прочитав отчет о следствии, убедился в полной невинности Хмельницкого, приказал немедленно освободить его и даже наградил орденом Владимира II-ой степени. Хмельницкий вышел из крепости уже совершенно разбитый болезнями и душевными страданиями, седой и полуослепший. В надежде восстановить свое надломленное здоровье, он весной 1843 года уехал за границу, но, не вылечившись, возвратился в Петербург, где и умер в 1845 году.

Вот не знал этот легкомысленный вольтерьянец, приятель Пушкина и Грибоедова, поклонник французов, на какого великого праведника, на какого могучего кумира замахнулся себе на беду он тогда в Смоленске!

В. Е. Захаров по скудным источникам восстанавливает, условно говоря, смоленское «житие Ивана Яковлевича», хотя с жанром жития этот рассказ о смоленском периоде жизни Корейши не имеет ничего общего. Сама манера изложения, стиль автора не просто художественны, стилизованы под разговорную речь, 19 век (своеобразный сказ), но даже не лишены элементов юродства.

И. Я. Корейша родился 8 сентября 1783 года в селе Инькове Поречского уезда, что еще недавно стояло неподалеку от Каспли. Будучи третьим сыном тамошнего священника Корейши, Иван окончил местное училище, а в 1796 году вслед за старшими братьями, Павлом и Гавриилом, был отправлен в Смоленскую семинарию на 7 лет. Учился он хорошо, был одним из первых, шумных игр не любил и часто уединялся, за что одноклассники прозвали его анахоретом.

Окончив семинарию, Корейша вернулся в родное Поречье и подвизался там на учительском поприще, но ненадолго. То ли ученики допекли, то ли поречский протоиерей Успенский благословил на другой путь, но только в 1806 году, никому не сказав, ни с кем не простясь, без гроша в кармане учитель из Поречья исчез. Нескоро односельчане узнали, что его понесло к Белому морю, в Соловецкую обитель. Ивану Яковлевичу очень понравилась жизнь соловецкой братии и желал бы он насовсем остаться в монастыре, но по ранее принятому на себя обету нужно было ему побывать в Киеве.

Путь с севера на юг занял у него полгода, он достиг своей цели и перезимовал в Лавре. И только в 1808 году, на Фоминой неделе отправился в родные места, но под Могиловом простудился и пролежал в болезни у чужих людей шесть недель. В благодарность за чудесное выздоровление положил принять на себя новый труд во славу Господа – хождение в город Осташков Тверской губернии, чтоб приложиться к мощам святого угодника Нила Преподобного.

Три года прожил Иван Яковлевич у гостепреимного настоятеля Ниловой пустыни. Там и тогда впервые и проявил он свою великую прозорливость: вывел на чистую воду неуловимого вора, потрошившего монастырскую кружку. Ко всеобщему стыду и удивлению, им оказался казначей. После этого Иван Яковлевич вошел в большой почет и доверие и не собирався уходить из Осташкова, если бы не нашла его там по какому-то чуду родная сестра Параскева, слезно умолявшая вернуться к отцу и матери. Поддался Иван Яковлевич на уговоры сестры, но с одним условием: чтоб идти друг от друга отдельно.

После возвращения Корейша не приступил ни к учительским трудам, ни к какой церковной должности, посчитав это все суетой, и вскоре вновь ушел

в странствие из родного дома. Пришел в Смоленск и поселился там в пустой баньке на огородах. Ходил он не в учительском сюртуке или подряснике, а в бессменном синем кафтане, холщовой рубахе и портах, без шапки и обуви.

Вот туда, к баньке, как к киту, и потянулся народ – сначала любопытствующие, интересующиеся судьбой, а потом, когда предсказания Ивана Яковлевича стали сбываться, и поломники, которые от дороги до хижины ползли к пророку на коленях.

Однажды хижина пророка опустела, перебрался он в густой лес. Но и там его отыскали. Пришли как-то дорогобужские мужики в дальний лес по дрова, да ирты поразинули, увидев посреди леса босого простоволосого человека, ковыряющего землю палкой. Пожалели они его и поставили ему какую-никакую хижину в лесу. С этого слава «Вани, Божьего человека» приумножилась. И к нему приходили в лес, и его в деревню приглашали псалтырь над усопшим читать или по другим надобностям. По Дорогобужскому уезду пошла особая примета: коли объявился в селении Ваня-угодник – значит, или умер там кто-нибудь, или помрет обязательно.

И не только крестьяне, но и помещики, преимущественно барыни, к нему обращались. Он барские хоромы не жаловал и на такие зовы редко откликался, считая, что среди них мало уважения к Божьему делу, больше любопытства.

Однажды в его лесную келью под елкой пришла богатая барыня и просила совета: в Духовщине стоит постоем воинский полк, офицер дочку сватает, выдавать ли ее замуж? Иван Яковлевич осерчал и крикнул: «Арестант! Разбойники! Воры! Бей, бей!.. В Сибирь сошло!» Барыня испугалась, отказала офицеру. Дочку-то она тогда уберегла, а вот самому отшельнику за пророчество пришлось сильно пострадать. Каким-то образом сватавшийся офицер узнал, в чем причина его отставки, отыскал в дорогобужских лесах Ивана Яковлевича и обошелся с ним жестоко. Погрузили мужики обезножившего, стонущего божьего человека на телегу и отвезли в Смоленск в лечебницу, откуда выписали его только через 4 месяца, да и то только потому, что в город уже вступали французы.

Кампания 1812 года тяжело далась Ивану Яковлевичу, терпевшему с обеих сторон. То французы допрашивали странного человека как лазутчика и шпиона, то казаки брали в плети и волокли в русский штаб, увидав, как сердобольный человек отпаивает водкой больных французских солдат. Неизвестно, чем бы это все для него закончилось, если б за человека Божьего не вступились сердобольные смоляне.

Главный свой смоленский подвиг Иван Яковлевич совершил уже после изгнания Наполеона. Смоленск был разорен. Из дома в дом бродили толпы нищих, прося подаяния и ночлега. К ним и примкнул Корейша. Однако он не милостыню просил, а прорицал и наставлял людей на праведный путь, за что его принимали особенно; купцы, например, поили редкостным тогда в Смоленске чаем. Летом Иван Яковлевич находил приют прямо на соборной паперти или в церковной сторожке, а зимою на семинарской кухне. И как бы ни голодал сам, а всегда собранным хлебом делился с птицами да собаками.

Христа ради юродство на Руси рука об руку ходило с обличительством и заступничеством за народ. После войны 1812 года в Смоленске было холодно и голодно, и ходило много слухов о неправых делах гражданских и военных начальников, вплоть до самого губернатора – барона Казимира Ивановича Аша.

---

Вот Иван Яковлевич и возвысил свой голос против светской власти, обличил ее всенародно в мелком стяжании – в присвоении денег, данных императором смолянам на восстановление разрушенного города.

Смоленские чиновники не могли такого простить, засадили блаженного в острог, а потом устроили врачебное освидетельствование на предмет сумасшествия. Иван Яковлевич отвечал на вопросы темно и загадочно, картавя и в третьем лице. Его объявили безумцем и перевели из острога в лечебницу под надзор.

После перенесенных мытарств слава юродивого еще больше возросла. А тут еще разнеслась весть о том, что офицер, который покалечил Ивана Яковлевича в дорогобужских лесах, и в самом деле стал арестантом, лишился прав, состояния и за утайку казенных денег был сослан в Сибирь. Тут уже ни у кого не стало сомнений в Божьем даре Ивана Яковлевича, и число жаждущих прийти ему поклониться возросло невероятно. Смоленская администрация была вынуждена пойти на попятную и отменила свой указ о недопущении народа к блаженному. Молва о чудесном смоленском пророке поползла в Москву и Санкт-Петербурге.

И тут снова свадебное дело настигло Ивана Яковлевича. Через Смоленск проезжал петербургский вельможа, встретил тут девушку, которая покорила его своей красотой, остался в городе, познакомился с матерью барышни и повел речь о сватовстве. Мать и дочь пришли за советом к блаженному.

– Дураки! – закричал Иван Яковлевич. – Охальники! Бей! Бей!..

Дальше из его слов выходило, что у того петербургского дворянина есть и жена, и трое детей. Ему отказали. Жених кинулся жаловаться губернатору Ашу, что, мол, поразвел мракобесие. А тому только того и надо. Барон Аш тут же написал письмо в Москву, чтоб в тамошней Преображенской больнице, прямо говоря – в сумасшедшем доме, срочно изыскали для Смоленска вакансию.

С большим трудом просьбу смоленского губернатора удовлетворили. Связали Ивана Яковлевича по рукам и ногам, завернули в рогожу, чтобы люди не узнали, положили на простую телегу и тайно вывезли из города. 17 октября 1817 года его принял под расписку главный врач московской Преображенской больницы Кибальчич, записал прибывшего пациента неисправимым безумцем и спустил его в каменный подвал на хлеб и воду – «за пророчания в народе», – как свидетельствует больничная книга.

С первого же дня в этом карцере Иван Яковлевич стал спать не на кровати, а на голом полу. Пищу не разбирал, сливал-сваливал в одну кружку все, что приносил надзиратель и что давали благодетели, еще и квасу туда добавлял и ел. Ел руками, ложку он выбросил в первый же день. Сам ел и посетителей угощал. И почитали за честь! Редко когда кто отказывался.

Не надо быть профессиональным историком, чтобы обратить внимание на то, что Корейшу из Смоленска увезли в 1817 году, а Хмельницкий был тут губернатором с 1829 по 1837 год, следовательно, никакого столкновения между ними быть не могло. Однако у легенд о людях Божиих свои законы и своя правда, о которой судить не ученым, а людям верующим.

В заключение скажу, что эпизод с бароном Ашем В. Е. Захаров включил также в свою итоговую краеведческую книгу «Старая смоленская дорога в истории и литературе», которую мы издали в Смоленске в издательстве «Свиток» в 2017 году уже после смерти ученого.



## **ДИСКУССИЯ ПОСЛЕ ДОКЛАДА ПРОФЕССОРА РОМАНОВОЙ ИРИНЫ ВИКТОРОВНЫ**

**Евгения Евгеньевна Жуковская, г. Москва, модератор конференции:** Правильно ли я понимаю, что о Корейше сейчас в Смоленске если что-то и издаётся, то только в рамках каких-то сборников, самостоятельных о Корейше.

**Ирина Викторовна Романова, г. Смоленск:** Совершенно верно.

**Евгения Евгеньевна Жуковская, г. Москва, модератор конференции:** Есть ли в Смоленске какой-то интерес к такому роду подвижников, есть ли какой-то отклик со стороны людей, помнит ли кто-нибудь Корейшу, или помнят только в контексте общего культурного наследия известных в разные века смолян?

**Ирина Викторовна Романова, г. Смоленск:** Вы знаете, по-моему, в Смоленске в последние годы необыкновенно живой интерес к истории и культуре Смоленской земли, начиная от древности домонгольского периода и заканчивая XX веком, причём этот интерес возрождается абсолютно неформально, повсеместно. Очень много для этого сейчас делает наша кафедра и получаемая нами обратная связь заставляет нас усиленно продолжать труды: сейчас завершается работа по большому президентскому гранту. Он краеведческий и мы делаем информационный портал, посвященный в первую очередь литературе, а потом истории. Мы делаем огромный сайт «Смоленская земля в памятниках литературы» для того, чтобы вся эта информация была доступна абсолютно для любого пользователя. Этот проект настолько воодушевил смолян, что к нам приходят и говорят о каких-то свидетельствах, неточности высказывались, снимаются документальные фильмы: четыре блестящих фильма документальных полнометражных, Отдельные рубрикиведем на этом сайте о таких именах, как Иоанн Яковлевич Корейша.